

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство авторов, пишущих о Соловьеве вообще и о его Софии в частности, весьма сосредоточенно и ответственно подходят к вопросу о мере соловьевской ортодоксальности. Не удалось избежать такой постановки вопроса и нам.

Как мы говорили, трудно сказать, существует ли такая вещь, как ортодоксальное учение о Софии. Если исходить из общецерковного Предания, то можно сказать лишь, что, согласно Священному писанию и богооткровенному свидетельству святых отцов, Бог сотворил мир посредством Премудрости Божией, второй Божественной Ипостаси, Сына Божия, В Духе Святом. Тварному посредству здесь нет места.

В святоотеческом наследии и софиологии под Премудростью Божией понимается, очевидно, не одно и то же. В патристике под Софией, Премудростью Божией имеется в виду Ипостасная Премудрость, т. е. сам Бог. Софиологи же, ссылаясь на библейские тексты и иконографию Софии, пытаются доказать, что под Софией следует разуметь существо, отличное от Сына Божия, которое Богом не является, но при этом совмещает в себе и божественную, и тварную природу. Следовательно, акт творения в софиологической модели бытия как непосредственное действие Божие рассматриваться не может, а это совершенно неприемлемо для ортодоксии.

С этим приходится согласиться – богословы, в конце концов, знают, что говорят, – как и с тем, что софиология, допускающая посредство, через которое Абсолют будто бы только и мог сотворить мир, – очень удобное и соблазнительное для философа средство устранить метафизические недоумения. Тем не менее, «открытые софиологией возможности решения затруднений религиозной онтологии, а также ее волнующий романтизм зачаровывают мыслителей, подпавших под ее обаяние, и закрывают им глаза на те многочисленные затруднения, которые порождает сама софиологическая система»⁵¹.

В этом смысле мы не открыли ничего нового. Но наша работа, в конце концов, была посвящена вовсе не отношениям метафизики и христианской ортодоксии, а Владимиру Соло-

вьеву. И для нас важно было, уходя в те или иные панорамные обзоры, не потерять из виду задачу истолкования его текстов, посвященных Софии, – и текста его жизни, посвященной Софии.

Философия Владимира Соловьева, как мы сказали, – часть русской культуры, и исходные точки его философствования определены и обусловлены ценностями этой культуры, включая и собственно «православные ценности русской культуры». В то же время эта философия выступает и как рефлексия культуры, в данном случае – русской культуры, вместе со сделанным только что уточнением. И эта рефлексия существует не всегда в универсальных философских категориях, но и в таком странном виде, как «софийная тема».

Здесь, в заключении, нам хотелось бы подчеркнуть, что нет возможности отождествлять софийную тему с софиологией. Именно потому, что из нашего исследования получается такой вывод: *софийная тема – это нечто более объемное и более продуктивное, чем систематическая софиология*.

Это так уже потому, что софиология Соловьева – часть метафизики со всеми вытекающими отсюда последствиями, тогда как софийная тема вовсе не обязательно является частью метафизики. Как мы старались показать, *софийная тема у Соловьева как раз и играет роль катализатора и одновременно моста, по которому совершается переход от метафизики к неметафизическому и неклассическому способу мышления, не ориентированному на постулаты классического мышления, в частности, на постулаты самопрозрачности и самоидентичности сознания*.

Таким образом, *многозначность термина «София» у Соловьева, связанная, вообще говоря, с идеей посредничества, неотграниченно возрастает ввиду скользящего изменения самого смысла «посредничества»*. Принцип посредничества, символизированный Софией, постепенно переосмысливается: из классического и метафизического «промежуточного значения» посредничество перетолковывается в неметафизическое и неклассическое «превращающееся значение».

Собственно софиология Вл. Соловьева, как одно из воплощений идеи промежуточного посредничества, содержит в себе и все присущие ей логические противоречия и, что важно, противоречит христианскому догматическому богословию. Обра-

⁵¹ Мосолова, С. В. Указ. соч. С. 49.

шение к идее посредничества в данном случае обусловлено влиянием русской традиции благообразия, берущей свое начало от Византийского христианства, но в софиологии платоническая интуиция вступает в конфликт с его христианскими воззрениями.

С другой стороны, *софийное мышление Соловьева в более широком смысле, как эволюционирующее к идее превращающегося (или иронического, если угодно) посредничества, обходится без того, чтобы вступать в противоречие с ортодоксальным богословием, будучи при этом уже порождением не столько нового, сколько новейшего времени, одной из версий общеевропейской критики классического разума.*

Для нас очевидна и связь между двумя этими векторами осмысления Софии, присущими самому Соловьеву, и различие между ними. Насколько убедительно нам удалось это пояснить — мы судить не можем. Мы лишь перечислили выводы из нашей работы.

Несмотря на все противоречия, Соловьев оказал огромное влияние на русскую философию и культуру. «Он очень много дал, особенно в философии. Самостоятельная русская философия начинает с него свое существование, и она сразу получила в его лице первостепенного мыслителя»⁵². П. Флоренский и С. Булгаков разрабатывали свои концепции Софии. А русский символизм оказался под сильнейшим влиянием поэтического образа Софии, Вечной Женственности, данного Соловьевым в его немногочисленных стихотворениях.

Для нас, однако, интереснее сейчас не то, что Соловьев дал, а то, что он еще может, очевидно, дать русской культуре. Тема Соловьева как неклассического мыслителя и в определенном смысле предвестника «постмодернистской чувствительности» еще мало освоена, и мы не знаем, какие горизонты она может открыть перед самосознанием русской культуры, никогда не приходящей к равенству с самою собой.

⁵² Лопатин, Л. Памяти Вл. С. Соловьева // Смысл любви / Вл. Соловьев. М., 1991. С. 63–64.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- 1 Соловьев, В. С. Духовные основы жизни. Брюссель, 1982.
- 2 Соловьев, В. С. Красота в природе // Соч. в 2 т. / В. С. Соловьев. Т. 2. 2-е изд. М., 1988. С. 350–389.
- 3 Соловьев, В. С. Неподвижно лишь солнце любви: Стихотворения. Проза. Письма. М., 1990.
- 4 Соловьев, В. С. Об упадке средневекового мирозерцания // Собр. соч. в 2 т. / В. С. Соловьев. Т. 2. М., 1990. С. 344.
- 5 Соловьев, В. С. Смысл любви. М., 1991.
- 6 Соловьев, В. С. София. Начала вселенского учения // Логос. 1997. № 3. С. 171–199; № 4. С. 275–296; № 5. С. 145–168.
- 7 Соловьев, В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.
- 8 Соловьев, В. С. Чтения о Богочеловечестве // Сочинения / В. С. Соловьев. М., 1994. С. 13–168.
- 9 Соловьев, В. С. [Теоретическая философия] // Собр. соч. в 2 т. / В. С. Соловьев. Т. 1. М., 1990.

Литература

- 1 Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
- 2 Артемьева, Т. В. История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996.
- 3 Асмус, А. Ф. В. С. Соловьев: опыт философской биографии // Вопросы философии. 1988. № 6. С. 70–89.
- 4 Бессонов, Б. Н. Герменевтика. История и современность // Истина и метод / Г. Г. Гадамер. М., 1988. С. 3–12.
- 5 Блинников, Л. В. Великие философы: Словарь-справочник. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1997.
- 6 Бонеецкая, Н. К. К истокам софиологии // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 70–80.
- 7 Бори, П. Ч. Новое прочтение «Трех разговоров» и повести об Антихристе Вл. Соловьева // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 27–36.
- 8 Брюсов, В. Я. Владимир Соловьев. Смысл его поэзии // Ремесло поэта: статьи о русской поэзии / В. Я. Брюсов. М., 1981. С. 264–277.
- 9 Булгаков, С. Н. Без плана. Несколько замечаний по поводу статьи Г. И. Чулкова о поэзии Вл. Соловьева. // Он же. Тихие думы. М., 1996. С. 216–233.